

И на кровать свою, как сноп, свалился.
Он бледен был, ворочался, икал
И вслух свои проделки вспоминал.
С ним улеглася вскоре и жена.
Хлебнула элю также и она
И, весела, болтлива, словно сойка,
С гостями перешучивалась бойко,
А колыбель поставила в ногах,
Чтоб ей дитя не уронить впотьмах,
Коль ночью грудь ему придется дать
Или спросонья зыбку покачать.
Когда на дне не видно стало элю,
Тогда лишь улеглись в свои постели
Дочь мельника и Алан с Джоном тож.
Студентам слушать стало невтерпеж,
Как спящий мельник храпом оглашал
Всю комнату и ветры выпускал.
Жена ему подсвистывала тонко,
На четверть мили слышен храп был звонкий,
И дочь храпела с ней «roug compaignie».
Студентов сон нарушили они,
И Алан, в бок толкнув свирепо Джона,
Сказал ему: «Не слышишь ты трезвона?
Давно звонят они втроем к вечерне.
Чтоб им погрязнуть всем в греховной скверне!
Геенны пламя пусть их всех пожрет!
Не спать теперь всю ночь мне напролет.
Переварить не может он добычи.
Клянусь, он горе на себя накличет.
Разодолжу я Симкина-милягу
И к дочери его сейчас прилягу.
И почему бы нет? Ведь есть закон,
Что, если кто обидой ущемлен,
Искать обиде может возмещенья.
Украл муку, в том нет для нас сомненья,
И целый день украл, старик отвратный,
Зерно и время сгибли безвозвратно.
Теперь он ночью не дает нам спать.
Ну можно ли его не наказать?
Он сам учил, как олухов дурачить.
Так я и сделаю, а не иначе».
А Джон ему: «Смотри, будь осторожней
И не сложи башки пустопорожней.
Ведь если только мельника разбудишь,
Злодеем Симкиным зарезан будешь».
Присвистнул Алан: слышал, мол, и знаю.
И откатился к дальнему он краю,
Где на спине дочь мельника спала,
И овладел ей так, что не смогла
Она ни вскрикнуть, ни позвать подмогу.
Так Алан Джону указал дорогу.
А тот с минуту пролежал спокойно,
К возне прислушиваясь непристойней.
Но вот лежать ему не стало сил
И про себя он горько возопил: